ЮН СОЫН

СЕМЬ ЛЕТ ДО ПЕРВОГО СЛОВА

РОМАН

Юн Соын

Семь лет до первого слова

«Автор»
2026

Соын Ю.

Семь лет до первого слова / Ю. Соын — «Автор», 2026

Двадцатичетырёхлетняя Соын впервые прилетаетв Москву. У неё всего сутки между рейсами, номер напротив Пушкинскойплощади и вечер, чтобы гулять под снегом среди праздничныхогней. На обратном пути в Сеул взгляд русского пассажира заставляет еёрастеряться посреди привычной работы. После посадки у неё остаютсяего фамилия и чувство, для которого ещё предстоит найти слова.Во время пандемии Соын находит его интервью. Теперь она знает, чтоон адвокат и писатель, слушает его голос и понемногу учит русский. Чтобыразобраться в новой для себя влюблённости, она начинает письмо,предназначенное лишь бумаге. Письмо разрастается, и среди признанийпоявляются истории, которым однажды найдутся читатели.Соын учится доверять собственным решениям и строить жизнь вокруглюбимого дела.Семь лет спустя она приезжает на книжную ярмарку вШанхае со своими романами. Здесь знакомый голос снова звучит совсемблизко — и ей предстоит понять, почему несколько простых слов порой даются труднее целой книги.

© Соын Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I 5
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 30
Часть II 35
Глава 7 36
Глава 8 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Юн Соын
Семь лет до первого слова

Часть I
Снег над Москвой

Декабрь 2019 — январь 2020

Глава 1
Двадцать четыре

В кармане форменного жакета Соын нашла мандарин, который успел нагреться до температуры её ладони. Кожура у плодоножки слегка продавилась; значит, мандарин перенёс вместе с ней посадку, служебный автобус и долгую дорогу в метро. Мама положила его туда накануне, когда дочь заехала забрать починенную юбку, и, судя по выпуклости второго кармана, проявила предусмотрительность дважды.

Соын разложила находки на стиральной машине. Возле корзины с бельём два маленьких оранжевых шара выглядели так празднично, что она сфотографировала их и отправила сестре.

«Твоя мать снова снабдила международную авиацию фруктами».

Хе Джин ответила фотографией собственного стола. Рядом с ножницами лежали четыре мандарина, уложенные в крышку от коробки с пуговицами.

«Местной промышленности досталось больше».

Соын засмеялась, прислонившись плечом к дверце шкафа. После рейса смех приходил к ней с небольшой задержкой: сначала тело вспоминало, как отпустить живот и опустить плечи, затем добиралась сама радость. Из соседней квартиры доносился стук разделочной доски, в ванной зашумели трубы, а телефон сообщил о наступлении полудня. У неё впереди оставался целый свободный день, хотя организм настойчиво предлагал считать его глубокой ночью.

Она сняла жакет, проверила карманы ещё раз и повесила его на широкие плечики. С формой Соын обращалась бережно. Когда в 2016 году она пришла в Korean Air и начала обучение, её забавляло количество правил, относящихся к ткани, волосам и манере держать руки. Теперь утренние сборы занимали ровно столько времени, сколько требовалось воде в небольшом чайнике, чтобы вскипеть, а затем остыть до удобной температуры. Волосы сами укладывались под пальцами, узел шарфа получался с первой попытки. В дни отдыха она иногда задерживалась перед зеркалом, раздумывая, какой пробор сделать. Профессиональная причёска давалась проще, чем свободная.

На узкой полке возле кровати стояли сувениры из городов, где Соын успела провести по нескольку часов. Керамическая рыбка из Лиссабона соседствовала с дешёвым магнитом, купленным в круглосуточном магазине, и с крошечной деревянной ложкой, назначение которой семья обсуждала уже второй год. Хе Джин считала, что ложка предназначена для соли; мама приспособила бы её к банке с красным перцем; сама Соын держала в ней снятые перед сном серьги. Серьги подходили по размеру, и этим спор завершился.

В её двадцать четыре года жизнь помещалась в удобные отрезки: рейс, отдых, стирка, встреча, следующий рейс. Каждому отрезку соответствовала своя сумка. Для работы — чёрный чемодан, для покупок — складная тканевая, для прогулок — маленькая, куда с трудом входили телефон и кошелёк. Большие вопросы, возникавшие за семейным столом, обычно находили её с дорожной сумкой на коленях. Так было легче отвечать: ближайшее будущее уже имело маршрут и время посадки.

В тот день она собиралась выспаться, забрать у сестры светлый свитер и купить перчатки. В расписании впервые появилась Москва. Название города занимало на экране примерно столько же места, сколько привычные направления, однако Соын раз за разом открывала рабочее приложение, чтобы убедиться, что прочла правильно.

Мин Джу, с которой они попали в один экипаж, прислала сообщение про обувь.

«Подошва должна держаться за землю. Твои красивые сапоги собираются летать отдельно от тебя».

Соын посмотрела на сапоги у двери. По виду они годились для уверенной походки между рестораном и такси. В интернете на фотографиях Москвы люди ступали по снегу с таким достоинством, словно вопрос подошвы решался у них при рождении.

Она ответила, что возьмёт ботинки, и легла на кровать прямо поверх покрывала. Заснуть сразу помешала мысль о витринах. Москва представлялась ей большим городом, в котором наступил длинный декабрьский вечер: освещённые окна, широкая улица, белые ветви над оградой. О городе она знала лишь несколько общих вещей, поэтому воображение щедро добавляло собственные подробности. Через несколько минут ей приснилось, что она пытается выдать пассажиру пальто, а из рукава высыпаются мандарины.

Хе Джин работала в мастерской на втором этаже здания, где на первом ремонтировали телефоны и продавали дешёвые чехлы. Лестница пахла нагретым пластиком; наверху запах менялся на ткань и пар. Соын любила эту перемену. Пройдя два пролёта, можно было попасть из мира разбитых экранов в мир, где повреждение часто исправлялось несколькими точными движениями.

Сестра сидела за машинкой, подложив под правую ногу сложенный коврик. На стене висел календарь, на котором чей-то рекламный пёс улыбался с такой самоуверенностью, что Соын при каждой встрече хотелось попросить его о совете.

— Ты принесла лицо после сна или ещё собираешься за ним вернуться? — спросила Хе Джин.

— Лицо прибудет следующим рейсом. Пока принимай меня в таком виде.

Сестра указала подбородком на табурет. На нём лежал свитер, аккуратно сложенный воротом наружу. Соын провела ладонью по рукаву и попыталась найти место, где недавно зацепила нитку дверной ручкой.

— Покажи, где было.

— Возьмёшь под лампу — найдёшь. Для обычной жизни он готов.

Соын надела свитер и повернулась к зеркалу. Лицо действительно выглядело сонным, зато цвет ткани делал кожу теплее. Она отвела волосы за уши, улыбнулась отражению и представила себя на московской улице.

— В этом можно фотографироваться на снегу?

— В этом можно сперва надеть куртку. Для снега советую именно такой порядок.

Хе Джин выключила машинку и достала из нижнего ящика два бумажных стакана. В углу стоял чайник, рядом с ним банка растворимого кофе и блюдце, на котором лежала единственная ложка с погнутой ручкой. Соын предложила сходить за настоящим кофе, однако сестра взглянула на висящие вдоль стены брюки.

— Эти люди тоже ждут настоящих вещей. Например, своей правильной длины.

Она налила воду, подула на поверхность и только тогда спросила, на сколько дней Соын улетает в этот раз. Хе Джин говорила о времени иначе: ей было важно знать, на какой вечер оставить продукты, когда ожидать звонка, к какому дню починить вещь. Соын отвечала названиями аэропортов, пока сестра терпеливо переводила её рассказ на домашний язык.

— Значит, в воскресенье сможешь приехать к маме?

— Смогу. У неё уже есть поручение?

— Она купила маленькую этажерку. Сейчас этажерка живёт в коробке и ждёт, когда у кого-нибудь появятся взрослые руки.

Соын подняла свои.

— Эти умеют открывать аварийную дверь.

— Тогда четыре винта их вряд ли испугают.

Они пили кофе у стола, где мел оставлял на тёмной ткани лёгкие полосы. Хе Джин рассказывала о клиентке, которая принесла два одинаковых платья и попросила сделать так, чтобы одно выглядело новым, а второе — любимым. Соын слушала, поджав ногу, и смеялась чуть

раньше, чем сестра успевала договорить. Всякий раз, возвращаясь к ней, она ощущала удовольствие от возможности сидеть кое-как, пить слишком горячее, ронять крошки. На работе её тело принадлежало точности; здесь оно снова получало простор.

Телефон завибрировал на коленях. Чжун Хо спрашивал, какой день после Москвы ей удобен.

Они познакомились на служебном обучении несколько месяцев назад. Он сразу запомнил, что Соын пьёт кофе с молоком, и теперь при случайных встречах протягивал ей стакан с видом человека, которому удачно достался лишний. У него были ровные белые зубы, спокойные руки и привычка смеяться, склонив голову. Мин Джу однажды заметила, что этот человек вполне способен прочитать инструкцию к стиральной машине до того, как включит её. В их профессии такой комплимент стоил дороже похвалы внешности.

— Тот, который всё время покупает лишний кофе? — спросила Хе Джин, увидев улыбку сестры.

— Он приглашает поужинать.

— Это уже требует отдельной закупки.

Соын положила телефон экраном вверх.

— Мне с ним весело. Думаю, после Москвы получится.

Хе Джин кивнула и вернулась к брюкам. Расспросы о серьёзности намерений она оставила матери. Соын нравилась эта сестринская сдержанность: несколько сообщений могли привести к приятному вечеру, а дальше всё зависело от того, как он сложится.

Она написала Чжун Хо, что уточнит расписание по возвращении, добавила улыбающийся значок и убрала телефон. В тот момент это решение казалось ей ровно таким, каким было: лёгким, доброжелательным, открытым. Впереди лежали города, знакомства и годы, которыми можно распорядиться позже. Чужие рассказы о том, как одна встреча меняет жизнь, воспринимались красивым способом пересказать множество маленьких решений. Её собственные решения пока прекрасно умещались в календаре.

Перед уходом она помогла сестре перетащить коробку с подкладочной тканью к стене. Коробка цеплялась за край коврика, Хе Джин тянула с одной стороны, Соын толкала с другой, и обе постепенно принялись смеяться от торжественности усилий. В дверях появилась хозяйка мастерской и с интересом посмотрела на них.

— Теперь понимаете, почему я прошу покупать ткань пореже?

— Мы как раз проверяем качество пола, — ответила Хе Джин.

По дороге домой Соын купила тёплые перчатки. Продавщица предложила серые и бордовые. Серые подходили к куртке, бордовые были на ощупь мягче, и девушка выбрала их, решив, что сочетание цветов на московских фотографиях можно будет обдумать уже в Москве. Пока продавщица убирала покупку в пакет, из динамика заиграла песня группы, которую Соын слушала со школы. Она узнала вступление, чуть качнула головой в такт и подумала, что на концерте в следующем году надо взять места получше.

Вечером позвонила мама. В школьной столовой сегодня выдали праздничные пирожные, и одна девочка понесла своё домой, обхватив обеими руками бумажную тарелку. Мама рассказывала об этом с трогательной обстоятельностью: какого цвета был крем, как девочка попросила плёнку, как серьёзно следила, чтобы украшение сохранило форму. Соын лежала на полу возле раскрытого чемодана и складывала носки.

— Ты тоже привозила мне еду из школы, — сказала она.

— Тебе нравилось разбирать, что внутри.

— Особенно чужое.

— Своё ты успевала разобрать ещё до дома.

Мама спросила про мороз. Соын ответила бодро, хотя прогноз погоды успела посмотреть только одним глазом. Они договорились, что дочь наденет тёплые колготки, положит в сумку

запасную пару и будет отдыхать перед обратным вылетом. Последний пункт мама произнесла медленнее остальных. Ей отлично была известна способность дочери заменить сон прогулкой и считать такую замену вполне справедливой.

После звонка Соын пересчитала вещи. Чемодан закрывался свободно; в углу ещё оставалось место для московской покупки. Она положила туда пустой тканевый мешок, сама посмеялась над своей предусмотрительностью и вернулась к рабочему приложению.

На предполётном инструктаже ей предстояло слушать старшую бортпроводницу, уточнять распределение обязанностей, проверять всё, что превращало большой самолёт в организованное пространство. Эта часть работы нравилась Соын гораздо сильнее, чем думали люди, восхищавшиеся её фотографиями из гостиниц. В бизнес-классе она уже научилась замечать просьбу прежде, чем человек поднимал руку: по осторожному взгляду на пустую чашку, по тому, как он проверял карман в поисках очков, по внезапному напряжению плеч во время объявления. Ей доставляло удовольствие находить простое решение и видеть, как чужое лицо снова становится спокойным.

Себя она в такие минуты ощущала взрослой. Дома взрослость рассыпалась на перчатки, недоеденные мандарины и свитер, который пришлось спасать сестре. Соын легко мирилась с этой разницей, будто в ней тоже была предусмотрена смена одежды.

Перед сном она поставила будильник, проверила звук и открыла фотографию зимней Москвы. На ней люди шли вдоль освещённых деревьев. Снег лежал на ветках такими плотными полосами, словно кто-то терпеливо обводил каждую белой краской. В левом углу фотографии девушка несла бумажный пакет из книжного магазина.

Соын увеличила снимок, пытаясь прочесть надпись на пакете. Буквы складывались в узор, и она решила, что обязательно увидит их на настоящей витрине.

Телефон погас у неё в руке. Из кухни пахло очищенным мандарином. За дверью соседка повернула ключ, прошла по коридору, остановилась возле лифта; обычный вечер продолжался вокруг, пока девушка устраивала щёку на прохладной стороне подушки и выбирала, с какой улицы начнёт знакомство с городом.

Утром в аэропорту Мин Джу встретила её возле служебного входа. Вместо приветствия она посмотрела на ботинки, выглядывавшие из сумки для отдыха, и одобрительно подняла большой палец. Соын ответила таким же жестом и показала край бордовой перчатки.

— С этими тебя найдут даже в метель, — сказала Мин Джу. — Хорошая предусмотрительность.

На инструктаже молодой коллега долго проверял лист с распределением обязанностей. Он попал в экипаж после замены и старался запомнить всех сразу, отчего смотрел на лица чуть дольше обычного. Соын передвинула к нему бутылку воды, которую он поставил слишком близко к краю стола. Через минуту коллега задел бы её локтем, отвлекаясь на очередное имя.

После инструктажа он поблагодарил за воду, и она предложила вместе пройти его участок. В тесном служебном пространстве каждый ящик открывался своим движением, каждый предмет имел назначенное место. Объясняя, Соын вспомнила собственный первый рейс: как тщательно складывала ответы в голове и как быстро они перепутались, когда пассажир попросил простую вещь совсем другими словами.

— Сперва посмотри на человека, — сказала она. — Потом уже подбирай фразу. Иногда он сам успеет помочь.

Коллега улыбнулся и повторил за ней порядок проверки. Его руки двигались точнее, когда рядом кто-то спокойно разговаривал. Соын отметила это, убрала сумку и занялась своим участком.

Первые пассажиры принесли на борт прохладу телетрапа и запах зимней одежды. Пожилая женщина придерживала шляпу на голове, хотя внутри самолёта ветер ей уже никак не угрожал. Мужчина за ней нёс коробку с тортом, обмотанную широкой лентой. Соын помогла

устроить коробку так, чтобы торт сохранил достоинство во время взлёта, и проводила взглядом девочку, которая старательно читала номера рядов вслух.

Москва постепенно переставала быть картинкой в телефоне. Она приближалась через эти пальто, коробки, незнакомые интонации и движение людей по проходу. Соын произносила приветствия, принимала верхнюю одежду, показывала, где разместить ручную кладь, и чувствовала ту привычную бодрость, которую давало начало большой работы.

Когда посадка закончилась, она на несколько секунд остановилась у служебного окна. За стеклом двигалась машина, оставляя на мокром покрытии две тёмные полосы. Мин Джу что-то проверяла у неё за спиной; молодой коллега уже уверенно отвечал на вопрос пассажира.

Соын поправила край шарфа, повернулась к салону и пошла по проходу. До Москвы оставался длинный полёт, наполненный делами, которым она умела отдавать всё своё внимание.

Глава 2
Окно на площадь

Московский воздух показался Соын плотнее сеульского. Он входил под воротник прохладной полосой, пах мокрым асфальтом и чем-то металлическим, знакомым по перилам, за которые берёшься зимой голой рукой. Пока экипаж ждал автобус, она успела надеть перчатки, снять одну ради телефона и снова спрятать пальцы. Мин Джу наблюдала за этим с видом человека, чьё предупреждение получило наглядное подтверждение.

Водитель разместил чемоданы и показал, где удобнее садиться. По пути старшая бортпроводница сообщила, что гостиницу поменяли: из-за сдвинувшихся рейсов в привычном месте оказались заняты номера. Соын услышала только слово «центр» и сразу придвинулась к окну.

— Площадь рядом, — пояснила Мин Джу, сверившись с картой. — Тебе повезло с первой поездкой.

Усталость после смены постепенно собиралась у Соын в ногах, но город за стеклом вызывал желание сесть ровнее. Сначала тянулись широкие дороги и одинаково освещённые окна; затем здания приблизились, стали различаться высотой и цветом. Над улицей появились огни, натянутые длинными рядами. Автобус остановился на перекрёстке, и Соын увидела женщину, которая несла через дорогу большой букет, спрятав цветы под прозрачный колпак. В освещении светофора этот колпак на мгновение стал зелёным.

Она подняла телефон, однако автобус уже тронулся. На снимке остались плечо Мин Джу, светлая полоса окна и размазанный фонарь.

— Можешь подписать: скорость международной карьеры, — предложила коллега.

Соын засмеялась и сохранила фотографию. Ей нравились такие неудачные снимки, на которых поездка оставалась движущейся. Красивых изображений любого города хватало в интернете; плечо Мин Джу принадлежало только этому вечеру.

Гостиница встретила их тёплым вестибюлем. Пока оформляли номера, Соын присела возле чемодана и почувствовала, как хорошо просто поставить обе ступни на неподвижный пол. За стеклянной дверью люди шли по своим делам, а внутри кто-то договаривался о завтраке и времени сбора. Разница между чужим вечером и её закончившимся рабочим днём всегда казалась ей одной из привилегий полётов: можно было прибыть в середину чьей-то обычной жизни и получить маленькую часть этой жизни целиком для себя.

Мин Джу устроилась рядом и осмотрела её сумку.

— Ты опять привезла половину домашней аптечки?

— Там носки, зарядка и большой запас хорошего настроения.

— Зарядка сейчас пригодится больше всего.

Коллега показала телефон, на котором оставалось несколько процентов. Ей надо было сообщить мужу, что добралась, и проверить, удалось ли ему забрать из ремонта семейную машину. Соын достала провод; разъём подошёл, и они пересели ближе к розетке. Чужой гостиничный угол сразу стал похож на место ожидания перед каким-нибудь домашним делом.

Пока телефон набирал заряд, Мин Джу рассказывала, как накануне выбирала полку в ванную. Муж прислал ей три почти одинаковые фотографии, приложив длинное объяснение разницы между креплениями. Она прочла его уже после посадки самолёта и обнаружила, что за время перелёта выбор завершился сам собой: полка стояла на полу, а рядом сидел кот, назначивший коробку своей собственностью.

— Самое полезное приобрели бесплатно, — заметила Соын.

— Только ради коробки можно было обойтись покупкой тапочек.

Мин Джу открыла семейный чат, набрала короткое сообщение и повернула к Соын экран. На фотографии муж держал полку обеими руками, примеряя к стене. Кот наблюдал из коробки с таким видом, будто именно ему предстояло принять работу.

Соын внимательно рассмотрела снимок. Под фотографией шли сообщения о хлебе, перегоревшей лампочке и времени возвращения. Дом её коллеги продолжал двигаться, пока сама Мин Джу находилась в московском вестибюле; что-то покупалось, устраивалось, требовало её участия. У Соын дома в это время сохли полотенца, и больше ничего срочного там, кажется, происходить не могло.

— Тебе хочется скорее обратно? — спросила она.

Мин Джу задумалась, убирая телефон.

— Сегодня хочется горячего душа. Завтра захочу домой. В хорошую погоду я бы ещё успела захотеть погулять.

Такой порядок желаний показался Соын убедительным. Она всегда представляла семейную жизнь большим постоянным чувством, а у коллеги любовь спокойно соседствовала с усталостью и вопросом, где найти свободную розетку. Соын подала ей телефон, когда на экране появилось входящее сообщение, и принялась рассматривать карту на стенде.

В лобби кто-то уронил перчатку. Она подняла её и догнала пожилого гостя, уже подошедшего к лифту. Он удивился, проверил карман и благодарно кивнул. Возвращаясь к дивану, Соын подумала, что даже в свободное время продолжает замечать выпавшие вещи. Пока это её скорее забавляло: работа позволяла быстро находить себе место среди незнакомых людей.

Мин Джу уже отсоединила провод и аккуратно свернула его.

— За полчаса здесь ты успела обслужить половину вестибюля. Остальную половину оставь гостинице.

Соын забрала зарядку, села на свой чемодан и подняла руки, обещая ближайшие несколько минут посвятить исключительно получению ключа.

Молодой сотрудник за стойкой показал ей номер комнаты, указал на лифт и произнёс несколько слов по-английски. Последнее слово Соын пропустила, отвлёкшись на ёлку у окна. Ей пришлось попросить повторить, отчего сотрудник тоже посмотрел на ёлку и улыбнулся.

— Красиво, правда?

Она кивнула так энергично, что Мин Джу забрала у неё карточку, пока та рассматривала украшения.

— Для двери пригодится больше, чем для впечатлений.

Они поднялись вместе. В коридоре было тихо, ковёр поглощал даже колёсики чемодана. У своих дверей коллеги договорились через час решить, хватит ли сил на ужин. Мин Джу намеревалась сначала принять душ и лечь на десять минут; по её голосу Соын поняла, что ужин вполне может состояться утром.

Комната оказалась светлее, чем она ожидала. Из-за стекла лился праздничный блеск, и несколько секунд Соын искала выключатель, прежде чем сообразила, что свет приходит с улицы. Она поставила сумку, раздвинула шторы и остановилась, держась за тяжёлую ткань.

Напротив лежала площадь. Между тёмными деревьями возвышалась фигура человека в длинном пальто; подножие скрывали ограда, прохожие и вечерние тени. Вокруг светились витрины, над улицей тянулись гирлянды. Машины объезжали площадь по широким полосам, а люди переходили дорогу небольшими группами, будто принадлежали сразу нескольким направлениям.

Соын достала телефон и открыла карту. Имя Пушкина она знала со школьных лет, хотя сейчас смогла бы вспомнить о нём только несколько общих вещей. Оказалось, что человек напротив окна и был тем самым поэтом. Удивление вышло почти домашним: будто ей обещали вид на город, а заодно представили хозяина площади.

Она присела на широкий подоконник. Стекло слегка холодило плечо, батарея под ним согревала икры. После многочасового пути это сочетание оказалось таким приятным, что Соын задержалась, всё ещё в форменной юбке и блузке. Люди внизу выглядели занятыми и свободными одновременно. Каждый куда-то спешил, зато весь город принадлежал их пешим шагам, разговорам у перехода, остановкам перед витринами.

Первым делом она послала фотографию сестре.

«Посмотри, куда нас поселили».

Ответ пришёл почти сразу: Хе Джин как раз собиралась спать.

«Окно красивое. Твоё лицо тоже покажи, чтобы мама поверила, что тебя выдали вместе с номером».

Соын включила камеру на себя, сделала серьёзное выражение и подняла карточку гостиницы. На заднем плане зажглись огни очередной машины. Сестра ответила голосовым сообщением, в котором зевала, смеялась и просила измерить площадь хотя бы шагами, если удастся выйти.

Мама написала позже. Её интересовало, работает ли отопление, найдётся ли рядом еда и можно ли открыть окно. Соын добросовестно сфотографировала чайник, запасные подушки и собственные носки на ковре. Получился маленький отчёт о пригодности Москвы для жизни, который мать приняла с удовлетворением.

— Ты поешь перед прогулкой, — сказала она во время короткого звонка. — В новом месте всегда хочется сначала посмотреть, потом уже вспомнить про желудок.

Соын перевела взгляд на открытый чемодан.

— У меня есть твои мандарины.

— Для ужина я прислала слишком маленькую порцию.

Мать говорила сонно, с паузами, и дочери вдруг стало приятно слышать этот знакомый голос возле незнакомого окна. Она показала площадь, приблизила изображение памятника и объяснила, что находится напротив поэта. Мама некоторое время разглядывала экран.

— Хорошее место для гостиницы. Поэт хотя бы стоит спокойно.

Соын засмеялась, пообещала поесть и пожелала ей спокойной ночи.

Пока вода нагревалась, она переоделась в свитер и долго выбирала, что взять на улицу. В конце концов сложила в сумку только телефон, деньги, карточку гостиницы и маленький пакет с мандариновыми дольками. Пакет появился сам собой: она чистила фрукт у окна и вдруг подумала, что сестра обязательно захотела бы одну дольку прямо сейчас. Привычка делить еду оказалась сильнее разницы во времени.

Мин Джу прислала сообщение с фотографией тапочек, поставленных носками к кровати.

«Мой культурный маршрут заканчивается здесь».

Соын предложила принести ей что-нибудь к завтраку. Коллега попросила только вернуться вовремя и сохранить в телефоне адрес гостиницы. Затем уточнила, что адрес лучше показать на экране, чем объяснять жестами. Соын сделала снимок визитки со стойки, положила саму визитку во внутренний карман и почувствовала себя подготовленной к большой прогулке.

Внизу она задержалась у стойки. Сотрудник спросил, нужен ли ей ресторан. Соын объяснила, что хочет немного пройтись и найти место, где можно поесть супа. Он показал направление, черкнул на небольшой схеме несколько линий и обвёл перекрёсток. Она внимательно слушала, хотя часть объяснения запомнила по выражению лица: здесь близко, здесь удобно перейти, здесь интересно посмотреть.

Когда дверь закрылась за спиной, город сразу стал громче. По тротуару прошла компания, оставив после себя запах парфюма и горячего хлеба. Возле ограды мужчина поправлял шапку ребёнку; ребёнок терпеливо смотрел вверх, пока над его бровями укладывали упрямый

край. Над ними качались освещённые ветви. Соын остановилась, пропуская прохожих, и впервые за день достала обе руки из карманов.

Хотелось рассмотреть всё сразу, а телефон сужал улицу до прямоугольника. Она сделала несколько снимков, затем убрала его и пошла к переходу. Сквозь подошвы ботинок чувствовалась шероховатость земли. Мин Джу была права: прогулка начиналась именно с того, насколько уверенно стоишь.

На площади оказалось просторнее, чем виделось из комнаты. Памятник возвышался над людьми, но возле него шла совсем будничная жизнь. Девушка придерживала стакан с горячим напитком обеими ладонями, двое молодых мужчин спорили, сверяясь с экраном, пожилая женщина медленно обходила дорожку, опираясь на руку спутника. Соын встала чуть в стороне и посмотрела на окна своей гостиницы. За одним из них лежал её открытый чемодан. Мысль об этом вызвала смешное чувство владения: у неё на сутки появилось собственное место в городе, который утром ещё существовал только в телефоне.

Она обошла площадь, стараясь запоминать путь. Подсвеченные стволы деревьев выглядели тёплыми, хотя воздух щипал щёки. На углу девушка в пуховике держала букет и время от времени привставала на носки, высматривая кого-то в потоке прохожих. Соын остановилась неподалёку, чтобы застегнуть сумку, и успела увидеть, как лицо девушки изменилось: взгляд стал сосредоточенным, потом сразу радостным. Через несколько секунд к ней подошла другая девушка, крепко обняла её, прижав букет между ними, и обе рассмеялись из-за помявшейся бумаги.

Соын поймала себя на улыбке. Здесь было столько понятного, что незнакомый язык постепенно превращался из преграды в часть городского шума. Она различала просьбы по протянутой руке, вопросы по поднятым бровям, приветствия по тому, как люди сокращали расстояние между собой.

В маленьком кафе ей дали меню с фотографиями. Она выбрала суп, показав на глубокую тарелку, и горячий чай. Заказ принесли быстро, вместе с ломтем хлеба на отдельном блюдце. Соын осторожно попробовала бульон, почувствовала укроп и перечный запах, затем отправила матери фотографию тарелки. До ответа было несколько часов; сама отправка уже выполняла обещание.

За соседним столиком мужчина объяснял мальчику что-то при помощи бумажной салфетки. Он складывал её, показывал угол, снова раскрывал; мальчик старательно повторял и время от времени смотрел на результат с уважением. Когда из салфетки получилась лодка, Соын улыбнулась ему. Мальчик поднял её повыше, чтобы она лучше рассмотрела, а мужчина слегка развёл руками: вот что умеем.

Она подняла большой палец, и на этом знакомство состоялось.

Пока ела, в теле возвращалось тепло. Суп оказался именно такой едой, которая нужна после дороги: его приходилось брать маленькими порциями, ждать, смотреть в окно, постепенно привыкать к месту. Соын допила чай и заметила, что перестала следить за часами.

На рабочем телефоне время всегда стояло первым. Сколько осталось до посадки, когда подавать еду, сколько минут требуется пассажиру, чтобы пересесть и устроиться. Здесь вечер пока умещал всё, что ей хотелось в него добавить. Она могла ещё пройти по Тверской, посмотреть витрины, выбрать открытку, а потом вернуться к своему окну.

У выхода официантка показала, что шарф выпал из рукава. Соын подхватила его и поблагодарила по-английски. Женщина ответила так добродушно, что девушка ещё несколько шагов улыбалась, наматывая шарф на шею.

Над улицей сгущался вечер. Гирлянды уже составляли собственный высокий потолок, под которым двигались машины и люди. Соын сверилась с картой и увидела впереди значок книжного магазина. Название было коротким; те же буквы недавно попались ей на фотографии, когда она увеличивала чужой бумажный пакет перед сном.

Она остановилась у витрины, чтобы пропустить широкую детскую коляску, убрала телефон и пошла в указанную сторону. Внутри сумки слегка шуршал пакет с мандариновыми дольками; одна долька осталась для сестры по привычке, и Соын съела её сама, решив, что о московском вкусе расскажет после возвращения.

Глава 3
Город на ладонях

У двери книжного магазина Соын сперва увидела своё отражение, а уже за ним — длинные ряды полок. Свет из глубины помещения делал стекло почти невидимым. Она вытерла подошвы о коврик, сняла перчатки и остановилась у ближайшего стола, где книги лежали обложками вверх, словно приготовленные к знакомству лица.

На первой был нарисован дом с узкими окнами; на второй крупный мужчина смотрел куда-то поверх названия; третью украшала такая яркая птица, что Соын взяла её в руки прежде, чем подумала о языке. Страницы пахли сухой бумагой. Она провела большим пальцем по срезу и открыла книгу посередине.

Буквы стояли плотными рядами. Некоторые напоминали знакомые латинские, но вели себя, судя по сочетаниям, совсем иначе. Соын наклонила голову, пытаясь хотя бы на слух вообразить фразу, и тихо засмеялась собственной попытке. В самолёте за один день можно было услышать несколько языков, однако там они сопровождались чашкой, одеялом, жестом к багажной полке. Книга предлагала справляться самостоятельно.

Она положила её обратно и прошла дальше. Люди возле полок листали страницы с такой сосредоточенностью, будто выбирали небольшое изменение в своей жизни. Девушка читала, прижав сумку к боку; мужчина в расстёгнутой куртке сверял на телефоне фотографию обложки; мальчик сидел на корточках перед нижним рядом и вытаскивал по одному толстые тома. Рядом стояла его мать, терпеливо удерживая в руках всё, что успело ему понравиться.

Соын с детства любила книжные магазины за возможность медлить на законных основаниях. В других местах задержка постепенно превращалась в обязанность что-нибудь купить. Здесь человек с раскрытой книгой уже выглядел занятым правильным делом.

Она нашла раздел с изданиями об искусстве, где изображение позволяло выбирать свободнее. На страницах большого альбома виднелись знакомые по дороге здания и совершенно незнакомые дворы. Одну фотографию занимало окно с растением на подоконнике. Через стекло просматривалась кухня; на столе стояла чашка, возле неё лежало полотенце. Соын долго разглядывала этот снимок, пытаясь понять, почему он кажется таким привлекательным среди фасадов, площадей и величественных лестниц.

Наверное, из-за чашки. Большой город разрешал увидеть маленькую жизнь внутри себя, и чужая кухня вдруг делалась почти доступной.

За соседней стойкой девочка в распахнутом пальто пыталась поставить на место широкую книгу. Она уже вынула её из нижнего ряда, теперь обложка цеплялась за край соседнего тома, и девочка сердито выдыхала, откидывая со лба прядь. Соын присела рядом и чуть раздвинула книги. Место нашлось сразу.

Девочка посмотрела на неё с благодарностью и что-то сказала. Соын улыбнулась, осторожно покачав головой, затем показала на яркую картинку у неё в руках. Там был нарисован огромный кит, который занимал почти весь разворот.

— Красивый, — сказала девушка по-английски.

Мать ребёнка подошла с другой стороны и ответила на том же языке. Оказалось, дочь выбирает подарок младшему брату, а сама мечтает оставить книгу себе. Женщина попросила девочку показать ещё одну страницу; та с готовностью раскрыла разворот, где кит плыл между маленькими лодками.

Соын смотрела на него и вспоминала, как они с Хе Джин делили школьный атлас. Каждая выбирала страну, куда отправилась бы первой, и сестра сердито следила, чтобы младшая

оставалась верна собственному выбору хотя бы до вечера. Соын меняла страны всякий раз, когда попадалась более красивая фотография.

— Вы из Китая? — спросила женщина.

— Из Кореи. В Москве впервые.

Женщина спросила, надолго ли она приехала. Соын объяснила про экипаж и сутки между рейсами; девочка, слушавшая их, сразу подняла голову.

Мать перевела её вопрос: правда ли девушка знает, что находится над облаками ночью.

Соын подумала, как ответить. Можно было рассказать о звёздах, однако ей вспомнилась совсем другая подробность.

— Там иногда ещё светло, когда внизу уже вечер, — сказала она. — Если смотреть из окна в нужную сторону, кажется, что день задержался для твоего самолёта.

Женщина перевела, а девочка прижала книгу к груди и надолго задумалась. Соын было приятно, что её работа вмещает такой ответ. Обычно знакомые спрашивали о скидках на билеты, знаменитых пассажирах или о том, сколько чемоданов разрешается брать с собой. Ребёнку понадобилось знать про оставшийся свет.

На прощание девочка показала ей кита ещё раз, словно предлагала обмен: ты рассказала о своём большом пространстве, я поделюсь этим.

Женщина повела её к кассе, и Соын вернулась к альбому. Теперь кухня на фотографии казалась ей частью той же большой истории, что кит и самолёт над вечерними облаками. Люди придумывали способы увидеть то, куда пока трудно попасть, а потом приносили эти способы домой в бумажных пакетах.

Она поймала себя на желании купить книгу с китом для себя. Покупка была бы красивой и несколько бессмысленной: русский текст останется загадкой, а подарок ребёнку пришлось бы выбирать уже в Сеуле. Соын всё-таки вернулась к нижней полке, полистала знакомый разворот и запомнила обложку. Этого маленького знакомства оказалось достаточно, чтобы позже узнать книгу среди других.

Покупать тяжёлый альбом было бы неудобно: чемодан уже ждал в гостинице, затем предстояли служебный автобус и перелёт. Она записала в телефон название, хотя произнести его всё равно пока не смогла бы, и отправилась к полкам с открытками.

Там обнаружилась зима, которую она представляла до поездки. Снег лежал на парапетах, фонари светились сквозь белые хлопья, на дорожках тянулись следы. Соын выбрала открытку с городской улицей, где человек под зонтом переходил дорогу рядом с книготорговой витриной. Лица человека почти не было видно; именно поэтому она легко могла вообразить на его месте любого — сестру, маму, себя через несколько минут.

У соседнего стеллажа продавались тетради. Цветные обложки напоминали школьные принадлежности, кожаные выглядели деловыми и требовательными, а одна серая тканевая тетрадь лежала чуть в стороне, прикрытая прозрачной плёнкой. Соын подняла её. Обложка приятно сопротивлялась пальцам, углы были закруглены, тонкая лента выступала у нижнего края.

В такой тетради хорошо смотрелись бы записи о поездках. Можно было вклеивать чеки, записывать смешные вещи, которые говорила Мин Джу, сохранять названия улиц прежде, чем они забудутся. Возможно, уже завтра она начала бы с московского супа и бумажной лодки.

Соын раскрыла тетрадь на чистой странице. Плотная бумага спокойно держала сгиб. На несколько секунд ей захотелось написать что-нибудь прямо здесь, чтобы покупка сразу получила назначение. В кармане нашлась обычная рабочая ручка, однако девушка удержалась: на кассе могли удивиться покупательнице, успевшей освоить товар.

Продавщица посмотрела на тетрадь, на открытку и что-то спросила. Соын улыбнулась с извинением, показав, что говорит по-английски. Женщина повторила вопрос медленнее, затем достала пакет и приподняла его. Теперь всё стало понятно.

— Да, пожалуйста, — ответила Соын по-английски.

Пакет оказался плотным, с названием магазина. Продавщица поставила его перед девушкой так, чтобы ручки сразу попали в ладонь, и кивнула на открытку.

— Москва.

Это слово Соын узнала. Она повторила его, стараясь сохранить услышанное ударение, и женщина улыбнулась шире.

Покидая магазин, Соын чувствовала то особенное удовольствие, которое приносит небольшая, точно выбранная покупка. В пакете лежало всего две вещи, зато обе принадлежали нынешнему вечеру. Она могла бы найти похожую тетрадь в Сеуле; серую обложку здесь успели согреть её руки после прогулки по Тверской, и это уже меняло дело.

Когда она вышла, над улицей уже кружил снег. Сперва девушка приняла белое движение за отражение гирлянд, затем хлопья легли на тёмный рукав, один задержался на шве перчатки, другой попал на ресницы. Соын подняла лицо, наблюдая, как крупные хлопья медленно плывут сквозь тёплый свет гирлянд.

На тротуаре несколько человек тоже остановились. Мужчина открыл зонт, женщина рядом с ним, напротив, откинула капюшон. Маленькая девочка вытянула язык и старательно ловила снег, а её отец смеялся, поправляя съехавшую на затылок шапку.

Соын поставила пакет между ботинками и включила камеру. Белые хлопья исчезали на экране, зато ярко выступали под светом ближайшего фонаря. Она сделала шаг в сторону, нашла угол, сняла короткое видео и сразу отправила Хе Джин. Сестра спала; утром у неё на экране появится кусочек московского вечера, который Соын удержала для неё двумя ладонями.

Снег в Сеуле ей был знаком. Здесь удивляло другое: как быстро чужой город начал соответствовать её собственному предвкушению. Словно в нём случайно совпали расписание рейса, свободная комната и именно эта погода, а совпадение выглядело обращённым лично к ней.

Она достала из пакета открытку и сравнила с улицей. На картинке зима была глубже, прохожие заметно меньше, зато свет фонарей совпадал почти точно. Соын прижала открытку к груди, чтобы ветер оставил её на месте, и попросила проходившую девушку сделать снимок.

Девушка сначала сфотографировала её целиком, затем показала рукой, что лучше немного повернуться. Соын послушно сдвинулась, подняла пакет, рассмеялась, когда снег попал за воротник. Незнакомка сделала ещё несколько кадров и вернула телефон.

На последнем снимке Соын смотрела в сторону, прикрывая рот перчаткой. Глаза смеялись, волосы выбились из-под шапки, на плече лежал крупный белый хлопок. Она оставила этот снимок первым в альбоме.

Дальше улица тянулась вниз, приглашая пройти ещё немного. Соын сверилась со временем, вспомнила о необходимом сне и выбрала короткую петлю вокруг соседних домов. Каждое решение казалось ей добрым компромиссом: ещё одна витрина, ещё один перекрёсток, затем поворот к гостинице.

У магазина с посудой она увидела чайник с тонким носиком и две чашки, расставленные на светлой ткани. На стекле отражались машины, и посуда будто стояла посреди движущегося города. Соын подумала, что мама обязательно заметила бы неудобную ручку чайника. Сестра спросила бы цену. Ей самой хватало возможности постоять и посмотреть.

В переулке стало тише. Снег здесь ложился на припаркованные машины, обрисовывая край каждого дворника. Из двери вышел мужчина с собакой, которая сразу потянула его к клумбе. Он что-то сказал ей мягким недовольным голосом. Соын расслышала только мелодию речи, однако интонация показалась настолько знакомой, что она улыбнулась.

Собака остановилась рядом, посмотрела на пакет и осторожно подняла нос. Девушка протянула ладонь тыльной стороной, позволяя обнюхать перчатку. Мужчина коротко кивнул, а затем собака уже занялась другой, гораздо более важной целью у ограды.

Этот крошечный эпизод почему-то запомнился лучше многих фасадов. Соын шла обратно и вспоминала тяжёлую голову животного, снег на рукаве хозяина, короткое дружелюбие, возникшее без представления и объяснений. В большом городе можно было получить целый разговор, обменявшись двумя улыбками.

Когда она вернулась на площадь, окна гостиницы выглядели ярче. Снег смягчил деревья, и памятник теперь казался частью нарисованной открытки. Соын остановилась ещё раз. Ей хотелось понять, как удерживать такие минуты после возвращения домой, когда снова появятся стирка, метро и сообщения о сменах.

Она решила записать хотя бы несколько вещей. Для этого у неё как раз появилась тетрадь.

В комнате было тепло. Девушка поставила пакет на стол, развесила влажный шарф и достала из чемодана домашнюю футболку. На рукаве свитера снег превратился в мелкие тёмные точки. Соын провела по ним ладонью, словно помогая ткани быстрее вспомнить комнату.

Она раскрыла серую тетрадь. На первом листе поставила дату, ниже написала по-корейски название города, затем некоторое время смотрела на оставшееся пространство. Хотелось начать красиво, чтобы тетрадь сразу стала достойна вечера. В голову приходили слишком торжественные фразы, совершенно чужие её обычной речи.

Соын вычеркнула первое слово, которое всё-таки успела написать, и решила сообщить то, что запомнила точно.

«В кафе мальчик показывал мне лодку из салфетки. Его отец держал другую салфетку и ждал, пока сын закончит хвастаться».

Она перечитала запись. За ней сразу вспомнились тарелка, хлеб, пар над чаем. Тогда она добавила про собаку, про девушку с букетом и про сотрудника гостиницы, который тоже посмотрел на ёлку.

На четвёртой строке ручка оставила маленькое чернильное пятно. Соын подложила под ладонь открытку, чтобы случайно его не размазать, и начала рассказывать о снегопаде.

Текст получился простым. По нему было видно только то, где она побывала и на что посмотрела. Этого хватило, чтобы вечер стал чуть длиннее. Впоследствии, вспоминая покупку тетради, Соын будет прежде всего видеть собственную руку над этой первой страницей, а тогда она закрыла её с удовлетворением человека, который наконец нашёл применение хорошей вещи.

Утром Москва встретила её светом другого цвета. Гирлянды ещё горели, но площадь уже жила деловым движением: люди шли быстрее, машины казались крупнее, снег на краях дорожек темнел. С высоты окна виднелись следы, пересекавшие друг друга под неожиданными углами.

Мин Джу ждала за завтраком, прислонив к стакану телефон. Она просмотрела фотографии и остановилась на снимке, где Соын смеялась в снегу.

— Вот эту сохрани отдельно. Тут ты похожа на человека, которому достался дополнительный выходной.

— Мне досталась целая Москва.

— Сутки в аренду, — уточнила коллега. — Условия хорошие, продление придётся согласовать.

Они ели медленно, обсуждая дорогу в аэропорт. Соын хотела ещё раз выйти на площадь, однако после завтрака пришлось заниматься привычными делами: сушить волосы, проверять форму, собирать вещи. Серую тетрадь она положила в ручную сумку, открытку оставила между первыми страницами.

Перед уходом девушка снова подошла к окну. Внизу шёл человек с ярким пакетом из того самого книжного магазина. С этой высоты нельзя было различить, что он купил и куда направляется. Соын проследила за ним до перехода, затем проверила карманы, взяла чемодан и вышла.

В лифте она ещё улыбалась. Ей казалось, что главная история этой поездки уже случилась: город, снег и фотографии, которые вечером будут смотреть мама и сестра.

Глава 4
Место у окна

В автобусе по дороге в аэропорт Соын ещё разбирала московские фотографии. На одном снимке площадь наклонилась, словно сделав шаг ей навстречу; на другом снег оказался яркой точкой прямо перед объективом. Из десятка удачных кадров она выбрала три, затем снова вернула остальные. Удалять часть поездки сразу после её окончания казалось излишней хозяйственностью.

Мин Джу посмотрела через плечо.

— К следующему прилёту ты успеешь составить экскурсию.

— С обязательным супом.

— Тогда у экскурсии есть перспективы.

В аэропорту Москва понемногу отступила за обычные рабочие действия. Соын проверила волосы, переоделась, убрала тёплые вещи. Бордовые перчатки легли в сумку поверх тетради, край открытки скрылся между страницами. Ей нравился этот переход: впечатления можно было бережно сложить и на несколько часов целиком заняться делом.

На борту всё требовало внимания в знакомом порядке. Соын проверяла свой участок, раскладывала необходимые вещи и слушала сообщения старшей бортпроводницы. Коллега из другого ряда попросила передать салфетки; Мин Джу уточнила, где удобнее поставить поднос. К началу посадки салон приобрёл собранный вид, который всегда доставлял Соын спокойное профессиональное удовольствие.

Она надела медицинскую маску — зимой часто брала её с собой — и поправила край у переносицы. Отражение в небольшой металлической поверхности показало только глаза, ровные брови и убранные волосы. Улыбку приходилось передавать взглядом; за время работы Соын научилась делать это почти автоматически.

Пассажиры заходили постепенно. Женщина в светлом пальто долго искала на экране посадочный талон, хотя уже держала бумажный в другой руке. Мужчина спросил, можно ли сразу убрать пиджак. Соын принимала вещи, показывала места и замечала знакомое облегчение на лицах людей, которые наконец добрались до своего кресла.

Он появился, когда у входа на несколько секунд стало свободнее.

Позже она много раз пыталась вспомнить, что увидела первым. Наверное, высокий рост: ему пришлось чуть склонить голову, поворачиваясь из прохода. Затем тёмное пальто, широкие плечи, портфель в руке. Внешность у него была такой определённой, что взгляд сразу задерживался: крепкая шея над воротом, короткие тёмные волосы, лёгкая щетина, сдержанное движение рта. Он выглядел молодым, однако в том, как подождал, пока пожилая пассажирка закончит устраиваться, было спокойствие взрослого человека, которому знаком собственный размер в чужом пространстве.

Соын подняла глаза для обычного приветствия и встретила его прямой, внимательный взгляд.

Несколько секунд занял совершенно простой обмен: её приветствие, его ответ по-английски, короткий жест в сторону нужного ряда. В этой простоте что-то неожиданно замедлилось. Соын успела заметить серый оттенок его глаз и маленькую складку возле одного уголка рта, прежде чем вспомнила про портфель и верхнюю одежду.

Она предложила помочь с пальто. Он передал его осторожно, предварительно вынув телефон из кармана, и поблагодарил. Пальто оказалось тяжелее, чем она ожидала, ткань чуть охладила ладони. Соын приняла его обеими руками, как принимала десятки других вещей, но теперь слишком отчётливо почувствовала собственные пальцы.

Пассажир занял место у окна. Портфель он поставил аккуратно, проверил, удобно ли расположены ноги, затем снова взглянул в проход. Соын уже шла мимо с чужим шарфом и заметила этот взгляд раньше, чем хотела бы.

Она улыбнулась глазами, чувствуя, как под маской разгораются щёки.

В служебной зоне Мин Джу спросила, всё ли готово к следующей подаче. Соын ответила, проверила поднос и только потом позволила себе коротко выдохнуть. За стенкой продолжались обычные звуки посадки: закрывали багажную полку, передвигали сумку, спрашивали о времени прибытия. Её собственное сердцебиение вдруг оказалось заметнее этих звуков, словно кто-то приблизил его к уху.

Она решила, что всему причиной тепло после московской улицы и быстрая смена помещений. Объяснение выглядело вполне пригодным, пока она снова не вышла в салон.

Он сидел, слегка повернувшись к окну, и рассматривал экран телефона. Соын предложила напиток. Все их слова звучали по-английски, в пределах привычного обслуживания; она знала каждую фразу и всё же поймала себя на желании произнести её особенно хорошо.

— Воды, пожалуйста, — ответил он.

Она поставила стакан на подставку. Его рука лежала рядом, и Соын обратила внимание на большой палец, на сухую кожу у костяшки, на рукав рубашки, выглядывающий из-под тёмного пиджака. Обычно такие подробности растворялись в общем движении работы. Сейчас каждая почему-то оставалась отдельной.

— Благодарю вас.

Он произнёс это тихо, с мягкой интонацией. Голос оказался ниже, чем она ожидала, и ей захотелось услышать продолжение. Пассажир слегка приподнял стакан и снова улыбнулся, завершая этот короткий обмен.

Соын кивнула, отошла на несколько шагов и внезапно рассмеялась. Смех вышел совсем коротким, едва слышным, но его пришлось спрятать за деловитым движением к полке. Ей казалось, что на лице сразу видно всё происходящее внутри, хотя маска по-прежнему закрывала щёки и рот.

Пока самолёт готовился к вылету, она старалась смотреть на салон целиком. Работа помогала. Пожилая пассажирка попросила поправить одеяло, мужчина через проход уточнил, куда убрать очки, кому-то потребовалось объяснение к креслу. Соын присела на корточки возле пожилой женщины и терпеливо показала, где находятся нужные кнопки.

За это короткое время дыхание успокоилось. Она любила такие понятные задачи: человеку неудобно, ты находишь причину, затем неудобство уменьшается. С собственным состоянием всё выглядело сложнее. Причина сидела у окна, спокойно допивая воду, а удобнее от этого становилось только ему.

Во время взлёта Соын смотрела на пространство перед собой и вспоминала московскую открытку. Достаточно было вернуться мыслями к площади, чтобы день снова сложился в привычную историю. Однако рядом с площадью уже возникали мужская рука и голос, произнёсший благодарность; впечатления соединялись с такой лёгкостью, будто всё это с самого начала принадлежало одному маршруту.

После набора высоты началась подача. Соын двигалась увереннее: у каждой вещи был вес, порядок и назначение. Она рассказывала о блюдах, проверяла просьбы пассажиров, передавала коллегам то, что требовалось в соседнем ряду. Когда подошла к его месту, он внимательно выслушал объяснение и сделал выбор.

Ей пришлось повторить вопрос о напитке. Она отвлеклась на то, как он произнёс последнее слово, и успела рассердиться на себя прежде, чем он заметил заминку.

Пассажир повторил ответ совершенно спокойно, будто лишняя секунда разговора была ему приятна.

Соын взглянула на него чуть смелее. Он продолжал смотреть, открыто и доброжелательно. Для обслуживания хватило бы короткого кивка; взгляд задержался дольше. Она почувствовала, как улыбка снова поднимается к глазам, и опустила голову над столиком.

У него был небольшой шрам возле запястья. Соын заметила его, когда он передвинул стакан, освобождая ей место для тарелки. Подробность оказалась настолько личной и случайной, что девушка почти смутилась: она всё ещё знала о пассажире только необходимое для работы, а в памяти уже появилось место для тонкой белой полосы на его коже.

В другом конце салона позвали коллегу. Соын отозвалась, отступила и пошла быстрее, чем обычно. В узком проходе она встретилась с Мин Джу, которая протянула ей дополнительные салфетки.

— Вот, вдруг понадобятся.

Соын приняла их с благодарностью. Ей было приятно получить обычное поручение, требующее самых простых действий.

Пожилая пассажирка некоторое время разглядывала упаковку рядом с чашкой, затем поманила Соын. Женщина говорила по-английски медленно, тщательно выбирая слова, и девушка присела ближе, чтобы лучше слышать. Оказалось, пассажирка хотела взять немного горячей воды позже, перед сном, и боялась пропустить момент, когда всё уберут.

Соын объяснила, как вызвать её, и показала кнопку. Женщина улыбнулась с облегчением, после чего неожиданно достала телефон. На экране появилась фотография маленького мальчика в полосатой футболке.

— Внук, — сказала она с той особой гордостью, которую Соын научилась узнавать на любом языке. — Вырос за год.

Она раздвинула пальцы, увеличивая снимок, и показала, как высокий стул почти скрылся за ногами ребёнка. Затем провела по экрану: мальчик сидел за столом с женщиной, очень похожей на бабушку. Дочь жила в Корее, и теперь мать летела к ним провести несколько недель.

Соын спросила, что внук любит больше всего. Пассажирка задумалась, потому что ответ требовал более сложных слов, затем жестами изобразила вращение колеса.

— Всё, что едет, — поняла девушка.

Женщина оживлённо закивала и указала на свою сумку. Там лежал подарок. Судя по торжественности, с которой она ощупала молнию, в самолёте путешествовало транспортное средство чрезвычайной важности.

Соын предложила оставить включённым маленький светильник, чтобы пассажирке удобнее было рассматривать фотографии. Та поблагодарила, но ещё несколько секунд удерживала телефон протянутым: ей хотелось, чтобы молодая девушка посмотрела на ребёнка как следует.

Улыбнувшись, Соын наклонилась и заметила на фотографии деталь, которую раньше заслоняла крупная голова мальчика. Под столом стояли сразу три крошечных тапка. Один явно принадлежал другой паре. Девушка указала на них; женщина рассмеялась, быстро объясняя что-то про любимую обувь, и Соын рассмеялась вместе с ней, уловив смысл по выражению лица.

Когда разговор закончился, она поднялась с приятной тяжестью в коленях. Такие встречи возвращали пассажирам объём: за номером места появлялись дочь, внук, подарок в сумке и год, проведённый на расстоянии. Соын знала это давно, однако теперь, проходя мимо кресла у окна, подумала о незнакомой жизни мужчины с особенной остротой.

Возможно, его тоже кто-то ждал. Возможно, телефон, который он убрал в карман, хранил фотографии кухни, детского стула или человека, которому достаточно послать короткое сообщение о посадке. Эта мысль смутила её сильнее собственного волнения. Она вдруг увидела, как мало известно о том, что так быстро заняло её внимание.

Подойдя к служебной зоне, Соын остановилась возле небольшого зеркала. Маска сидела ровно, волосы оставались собранными, форма выглядела так же, как перед вылетом. Со сто-

роны в ней, вероятно, всё было привычным. Девушка расправила плечи и вернулась в салон, решив пока довериться тому порядку, который умела поддерживать.

Подача продолжалась. Она успела помочь пассажиру найти упавшую ложку, принести горячую воду женщине с лекарствами и уточнить, когда удобнее разбудить человека перед посадкой. Каждый эпизод возвращал её к профессиональной уверенности, которую она вполне заслужила за три года работы. При этом внутри накапливалось странное ожидание: нужно было снова пройти мимо определённого ряда и выяснить, поднимет ли он глаза.

При каждом таком проходе он поднимал глаза, словно тоже прислушивался к её шагам среди остальных звуков салона.

Сначала Соын решила, что просто слишком хорошо замечает совпадения. Затем поймала его взгляд ещё раз, уже с другого конца прохода, и поспешно отвернулась к открытой полке. Внутри полки лежало ровно то, что она сама туда положила; осматривать её с такой сосредоточенностью было совершенно излишне.

Позднее он попросил ручку, и Соын сразу вынула свою из нагрудного кармана. Ручка была обычная, со светлым корпусом и гладким колпачком. Ею она делала служебные отметки, подписывала квитанции, вчера записывала впечатления о московском вечере.

Сняв колпачок, девушка протянула ручку пассажиру. Он взял её, но она на мгновение задержала пальцы на корпусе, словно действие состояло из двух частей и вторую требовалось вспомнить отдельно. Пассажир сперва посмотрел на ручку, затем встретил её взгляд, и на его лице медленно появилась улыбка.

Соын разжала пальцы и тут же попыталась передать следом колпачок. Теперь его рука уже лежала над бумагой, и колпачок оказался между ними маленькой лишней вещью, которой оба пытались найти место.

— Я верну, — сказал он по-английски.

Это относилось к ручке, однако Соын рассмеялась так, будто он ответил на совсем другой, ещё никому неизвестный вопрос. Она положила колпачок рядом с его листом, кивнула и отступила.

Дальше требовалось идти спокойно. Соын чувствовала это почти как рабочую задачу: сделать обычные шаги, повернуться к следующему пассажиру, спросить о чае. Её тело при этом упорно хотело ускориться и спрятаться за перегородкой. Она сумела сохранить нужный темп, а уже в служебной зоне закрыла глаза на секунду и прислонилась ладонью к краю столешницы.

Мин Джу размешивала что-то в стакане.

— Выпей воды, — сказала она, заметив красные уши коллеги. — У нас здесь жарко.

Соын с благодарностью приняла это объяснение и налила себе половину стакана. Происходящее пока было слишком странным даже для собственного понимания. Рассказывать о нём другому человеку означало бы подобрать название; любое название сразу выглядело преувеличением.

Она сделала несколько глотков и поправила маску. Глаза в небольшом отражении действительно блестели ярче обычного.

Когда освещение в салоне приглушили, пассажир у окна ещё писал. Ручка двигалась по листу ровно, с редкими остановками. Временами он перечитывал строку, чуть отодвигал бумагу и смотрел в тёмное окно, где отражалась часть салона.

Соын проходила мимо, стараясь оставить его занятие в пределах чужого пространства. Ей хотелось узнать, что именно занимает его мысли, однако гораздо сильнее было ощущение, что рядом находится человек с большой, уже сложившейся жизнью, о которой она пока знает лишь несколько движений руки.

Он поднял глаза от бумаги. На этот раз Соын удержала взгляд чуть дольше и сама почувствовала, как её лицо меняется под маской. Пассажир улыбнулся ей почти вопросительно.

Кто-то в соседнем ряду пошевелился, и девушка сразу повернулась туда. Потребовалось принести ещё одно одеяло. Соын осторожно расправила его, помогла устроить край и выслушала благодарность пожилой женщины. Когда она выпрямилась, мужчина у окна уже смотрел на свой лист.

Колпачок лежал рядом с его ладонью, белея в мягком свете лампы. Соын знала, что скоро заберёт обычную рабочую ручку и поставит очередную отметку. Теперь эта простая вещь связывала два места в большом самолёте, и каждый её проход по салону получал ещё одну, совершенно личную цель.

Глава 5
До самого утра

Когда в салоне погасли последние яркие лампы, Соын услышала, как ровно шумит самолёт. Днём этот звук растворялся в разговорах и движении; теперь он заполнял промежутки между редкими просьбами пассажиров. Возле одного кресла светился экран, у другого белел край одеяла. За окнами лежала ночь, которая всегда казалась ей особенно глубокой вдали от земли.

Она принесла пожилой женщине горячую воду. Та уже убрала телефон с фотографиями внука, аккуратно сложила очки и пыталась устроить маленькую подушку под плечом. Соын помогла, получила благодарный кивок и пошла дальше.

Мужчина у окна тоже отложил бумагу. Ручка лежала поперёк листа, словно удерживала его от полёта. Когда девушка приблизилась, он выпрямился и взял стакан, показывая, что освободил место.

— Вам принести чай? — спросила она по-английски.

Он выбрал зелёный. Соын уточнила, насколько горячую воду он предпочитает, и с неожиданным удовольствием выслушала длинный ответ, хотя для заказа вполне хватило бы одного слова. Ему нравилось подождать, пока чай немного остынет. В голосе звучала лёгкая улыбка, словно обсуждение температуры могло растянуться на приятную беседу.

Соын кивнула, уже представляя, что могла бы спросить следом. Например, удобно ли ему, удалось ли отдохнуть. Эти вопросы входили в её работу, поэтому позволяли ещё на несколько секунд остаться рядом. Однако в дальнем ряду загорелся вызов, и она повернулась в ту сторону.

Просьба оказалась простой: пассажиру требовалась салфетка. Пока Соын принесла её и вернулась к чаю, возможное продолжение разговора уже приобрело чрезмерную важность. Она размышляла, как прозвучит любая фраза, а прежде свободно разговаривала с десятками незнакомых людей в день.

Мин Джу подала ей чашку.

— Ты сегодня очень тщательно выбираешь салфетки.

Соын посмотрела на столешницу, где лежали сразу две одинаковые пачки.

— Проверяю, чтобы всем хватило.

Коллега приняла объяснение и продолжила своё дело. Соын почувствовала благодарность за эту обычную занятость, оставлявшую ей возможность разобраться во всём позже. Сейчас достаточно было поставить чашку перед пассажиром, предупредить о горячей воде и спокойно уйти.

Он поблагодарил, как в первый раз, подняв на неё глаза. Она снова улыбнулась, и смех подступил к горлу так внезапно, что Соын пришлось сделать короткий вдох. Чашка стояла устойчиво, вода осталась внутри, движения рук выглядели уверенными. Только лицо, скрытое маской, жило какой-то отдельной, слишком открытой жизнью.

Она отошла к соседнему ряду. Там мужчина попросил помочь с пледом, и привычное внимание вернулось сразу. Пока Соын поправляла ткань, ей подумалось, что в этом и заключается странность происходящего: мир продолжал нуждаться в обычных вещах, а ей приходилось совмещать их с чем-то, для чего ещё отсутствовало название.

На перерыве она села, сняла маску и выпила воды. На коже остались лёгкие следы от резинок. Усталость чувствовалась теперь отчётливее; ноги просили покоя, плечи хотелось расправить. Соын закрыла глаза, однако вместо сна перед ней возникло его лицо.

Попытка рассмотреть воспоминание точнее только усилила растерянность. Она вспомнила запястье, вес пальто, движение руки над бумагой. Если бы сестра спросила, что именно в нём так понравилось, ответ получился бы похожим на описание нескольких случайных предметов. Всё главное находилось где-то между ними, в ощущении его присутствия.

В школьные годы Соын обсуждала с подругами певцов и актёров, сохраняя понравившиеся фотографии. Ей случалось ждать сообщения от симпатичного знакомого, радоваться приглашению, подолгу выбирать одежду перед встречей. Эти переживания были понятны по общему устройству: предвкушение, маленькая тревога, удовольствие, возможность рассказать кому-нибудь смешную подробность. Сейчас ей хотелось одновременно смотреть на человека и спрятаться от его взгляда. От собственной реакции становилось весело и почти страшно.

Она попыталась объяснить всё сильным впечатлением от поездки. Москва дала ей целый день необычной свободы, снег сделал вечер красивее, чем она рассчитывала. Вероятно, чувства продолжали двигаться с той же скоростью, захватывая всё, что встречалось по дороге.

Это объяснение успокаивало её до возвращения в салон, где пассажир спал, откинув голову к подголовнику. В полумраке его лицо выглядело моложе. Сосредоточенность, заметная во время письма, ушла; линия рта смягчилась. Соын прошла мимо, чуть замедлив шаг, и тут же ощутила неловкость за это желание разглядывать спящего человека.

Она отвернулась к соседнему месту и поправила край салфетки на столике. Затем занялась служебными делами, двигаясь по привычному порядку. Вскоре этот порядок снова начал приносить спокойствие, хотя где-то на краю внимания сохранялось знание о человеке у окна.

За время полёта Соын несколько раз произнесла его фамилию, как полагалось при обращении к пассажиру. Латинские буквы в рабочей записи складывались в непривычное сочетание, которое приходилось проговаривать про себя. Теперь звучание осталось в памяти само собой, рядом с английской интонацией его ответов. Она могла забыть номер столика в кафе через минуту после оплаты, а эта фамилия возвращалась даже тогда, когда девушка думала о другом.

Перед утренней подачей салон ожил постепенно. Кто-то потянулся к окну, кто-то проверил время на телефоне, пожилая женщина достала расчёску. Соын предложила ей воду и поинтересовалась, удалось ли отдохнуть. Пассажирка кивнула, затем посмотрела на девушку с тёплым вниманием и сказала, что та очень молодая.

Соын улыбнулась глазами.

— Мне двадцать четыре.

Женщина подняла брови, будто это был удивительно хороший возраст для путешествий, и жестом показала, как высоко вырастет её внук. Из их короткого разговора следовало, что в двадцать четыре человек ещё успеет очень многое. Соын приняла это с привычной лёгкостью. Ей и прежде казалось, что впереди достаточно времени для любого решения.

Через несколько минут она подошла к месту у окна, и время внезапно стало выглядеть иначе.

Пассажир уже проснулся. Он сложил лист, убрал его в портфель и ждал, пока девушка поставит перед ним завтрак. Рядом с подставкой лежала её ручка.

— Спасибо, вы меня выручили, — сказал он, протягивая её.

Соын взяла ручку, автоматически проверила, хорошо ли держится колпачок, и в этот момент их взгляды снова встретились. Он заметил знакомый жест и улыбнулся.

Она могла бы ответить что-нибудь длиннее обычной служебной фразы. Поинтересоваться, доволен ли он полётом. Спросить о дороге. Сказать, что вчера впервые гуляла по Москве и купила в книжном серую тетрадь, в которой этой самой ручкой сделала несколько записей. Рассказ вышел бы простым, уместным, почти случайным.

Соын произнесла только благодарность за возвращённую вещь и убрала её в карман.

Он чуть помедлил, словно собираясь добавить что-то ещё. В соседнем ряду передвинули чашку, Соын обернулась на звук, и короткая возможность рассеялась среди утренних дел.

Позже он попросил второй чай, и Соын принесла его с таким тщанием, будто от правильной температуры зависел весь оставшийся перелёт. Рука уже помнила, как поставить чашку, сохранив удобное расстояние до края. Пассажир посмотрел на неё, затем на воду и снова поднял взгляд.

— У вас очень хороший чай.

Это был безопасный способ продолжить разговор; спустя годы она поймёт это с почти болезненной ясностью. В тот момент девушка только обрадовалась комплименту, относя его ко всему экипажу, и ответила, что передаст благодарность.

Он тихо рассмеялся. Соын тоже улыбнулась, невольно опустив глаза. Её ладонь задержалась на пустом подносе, потом она прижала его к себе и ушла.

Перед посадкой работа потребовала полной собранности. Нужно было убрать вещи, проверить салон, помочь пассажирам привести места в нужное положение. Соын ощущала облегчение от каждого чёткого действия. Она знала, как вести себя в предстоящие минуты, и этому знанию можно было доверять.

Из окна уже виднелась земля. На лице мужчины лежал холодный утренний свет. Он смотрел наружу, а затем повернулся к проходу, будто почувствовал её приближение.

Соын остановилась ровно настолько, насколько требовалось для проверки. Он улыбнулся ей, и она ответила. Всё выглядело обыкновенно: внимательная бортпроводница, благодарный пассажир, конец спокойного рейса. Называть происходящее чем-то большим пока было трудно даже мысленно.

Колёса коснулись земли. Самолёт замедлил ход, и в салоне появилось привычное движение людей, которым хочется поскорее вернуться в собственные дела. Соын ждала разрешённых процедур, слушая объявления, и чувствовала, как постепенно сокращается пространство, где их присутствие рядом объяснялось само собой.

Вскоре пассажиры поднялись. Пожилая женщина поправила очки, проверила сумку с подарком и показала Соын большой палец. Мужчина через проход долго искал телефон, который лежал на сиденье рядом с ним. Ему помогли, кто-то уступил место в проходе, двери открылись.

Соын передала пальто человеку у окна. Он поблагодарил и надел его одним спокойным движением. Портфель оказался у него в руке, и весь его облик снова стал похож на тот, который она увидела в начале посадки. Для неё между этими двумя мгновениями теперь лежало что-то значительное, хотя со стороны перемена оставалась почти незаметной.

Он задержался возле выхода. Соын посмотрела на него, приготовив обычное прощание, и вдруг почувствовала, что хочется произнести его медленнее. За его спиной уже подходили другие пассажиры; ей требовалось обратить внимание и на них.

— Счастливого пути, — сказала она по-английски.

— Спасибо за полёт.

Он встретил её взгляд ещё раз, словно стараясь запомнить лицо, которое видел лишь наполовину. Соын улыбнулась глазами и чуть склонила голову. Мужчина сделал шаг вперёд, повернул к выходу и вскоре смешался с людьми на телетрапе.

Соын продолжала прощаться с пассажирами, пока у выхода сохранялось движение. Потом предстояли проверка салона, забытые вещи, короткие разговоры с коллегами, служебные переходы. Она выполняла всё в привычном порядке, хотя время от времени ловила себя на том, что ждёт ещё одной просьбы о чае.

У пустого кресла возле окна лежала сложенная салфетка. Она убрала её, проверила место и поправила ремень. Самолёт постепенно возвращался к состоянию, в котором следующий экипаж встретит совершенно других людей.

Мин Джу спросила, удобно ли ей добираться домой. Соын ответила, что поедет обычным маршрутом, и помогла коллеге найти перчатки на дне сумки. Чужая маленькая потеря решилась за минуту; собственную она ещё никак не умела определить.

В аэропорту их пути разошлись. Соын стояла на остановке, прижимая к ноге чемодан, и смотрела, как люди встречают прибывших. Мужчина поднял на руки ребёнка, девушка спрятала лицо у кого-то на плече, двое пожилых людей долго перекладывали пакеты, чтобы освободить руки для объятий. Эти встречи казались ей особенно подробными.

Она достала телефон. От сестры пришло несколько сообщений о московском снеге, от мамы — вопрос о времени приезда. Чжун Хо прислал фотографию смешной вывески, которую заметил по дороге на работу.

Соын открыла снимок, улыбнулась по привычке и почувствовала, как далеко сейчас находится от той девушки, которая несколько дней назад легко соглашалась выбрать вечер для ужина. За это время произошло слишком мало, чтобы объяснить перемену, и слишком много, чтобы просто продолжить прежний разговор.

В автобусе она устроилась у окна. На коленях лежала сумка с серой тетрадью, в кармане — возвращённая ручка. Когда дорога повернула к знакомым улицам, Соын вынула её, проверила колпачок и снова убрала.

Ей вдруг захотелось рассказать маме всё по порядку. Начать с московской площади, дойти до снега, затем как-нибудь найти слова для человека у окна. Возможно, если произнести это вслух, случившееся приобретёт понятные границы.

До своей остановки она так и держала руку в кармане, обхватив гладкий корпус ручки двумя пальцами.

Глава 6
Что случилось в самолёте

Этажерка оказалась выше, чем представляла Соын по фотографии. На коробке её окружали изящные растения и две одинаковые книги, а на кухонном полу у мамы лежали металлические стойки, пакет с винтами и инструкция, в которой нарисованный человек выглядел подозрительно довольным своей работой.

Хе Джин высыпала крепления в блюдце.

— Сначала проверим, всё ли на месте. Потом будем изображать этого счастливца.

Соын присела рядом и взяла инструкцию. После дневного сна она чувствовала себя бодрее, однако мысли по-прежнему возвращались к перелёту с той же настойчивостью, с какой язык возвращается к новому ощущению на губе. Собирая стойки, она дважды перепутала их направление.

— У тебя в Москве поменяли представление о верхе и низе? — спросила сестра.

— Там очень красиво.

— Это объясняет многое, кроме третьего отверстия.

Мама поставила на стол чай и тарелку с нарезанной грушей. Она уже просмотрела фотографии, теперь хотела услышать подробности: как устроили экипаж в гостинице, понравилась ли еда, сколько времени осталось для сна. Соын рассказывала охотно. О площади, книжном, девочке с китом и снегопаде она могла говорить долго, находя всё новые мелочи.

Хе Джин остановила её на эпизоде с собакой.

— Значит, у тебя уже есть знакомая собака в Москве. При следующем прилёте спросит, где ты пропадала.

Соын засмеялась, затем посмотрела на сестру слишком внимательно. Та заметила взгляд и отложила отвёртку.

— Есть ещё кто-то?

Вопрос прозвучал шутливо, однако девушка почувствовала, как лицо сразу стало горячим. Мама подняла голову от чайника. Несколько секунд все трое молчали, пока Хе Джин аккуратно складывала винты в блюдце, освобождая Соын от необходимости смотреть на её руки.

— На обратном рейсе был один пассажир, — сказала девушка.

Мама села за стол, пока Соын подбирала слова для продолжения. Она ожидала, что после первой фразы рассказывать станет легче, однако события, которые внутри казались огромными, вслух умещались в несколько почти смешных подробностей: он вошёл, посмотрел на неё, попросил воды, затем ручку. Позже она приносила чай, а он всё время поднимал глаза, когда она проходила.

Хе Джин слушала с терпеливой серьёзностью. Только на слове «ручка» уголок её рта дрогнул.

— Вернул?

— Конечно, вернул.

— Тогда пока всё развивается в рамках приличия.

Соын рассмеялась вместе с ней, но смех неожиданно сделал её почти беззащитной. Ей хотелось, чтобы сестра поняла размер случившегося, а для этого приходилось повторять одно и то же: он посмотрел, она смутилась, он продолжал смотреть.

— Вы разговаривали? — спросила мама.

— О том, что ему принести. Всё было обычное, рабочее.

— Телефонами обменялись?

Соын покачала головой.

Мама некоторое время рассматривала грушу, словно вопрос требовал аккуратного расположения слов.

— Ты знаешь, кто его встречал?

— Я ушла вместе с экипажем.

— Семья у него есть?

Девушка снова покачала головой и вдруг почувствовала раздражение. Мама добросовестно задавала вопросы, на которые существовали важные ответы, а она пришла рассказать о том, что происходило с ней самой. Получалось, что за несколько минут вся её новая, удивительная история превратилась в список пустых мест.

Хе Джин пододвинула сестре чашку.

— Расскажи, что именно тебя так взволновало.

Соын обхватила чашку ладонями. Чай был ещё слишком горячим, и тепло помогало сосредоточиться.

— Рядом с ним я вдруг стала совсем другой. Всё умею на работе, могу спокойно поговорить с человеком, если он сердится или чего-то боится. Тут он просто просил воды, а я радовалась, как будто попросил именно меня остаться.

Произнеся это, она опустила глаза. Теперь собственные слова казались гораздо точнее всего предыдущего рассказа.

Пока мама молча слушала, Соын попыталась описать его внешность: высокий, широкоплечий, с такими руками, которые легко принимают тяжёлую вещь. В нём всё казалось определённым: как стоял, как слушал, как убрал портфель, пропуская другого человека. Она говорила сбивчиво, но всё чаще находила нужные подробности.

— Очень красивый? — спросила Хе Джин.

Соын посмотрела на неё с такой серьёзностью, что сестра перестала улыбаться.

— Для меня — да. Я такого раньше никогда не чувствовала.

Последние слова дались легче. Теперь хотя бы одна вещь стала ясной: удивление происходило прежде всего с ней, независимо от того, что означал его взгляд.

Мама поправила край салфетки под чайником.

— Он кореец?

— Русский.

По выражению матери Соын поняла, что расстояние между их кухней и историей в самолёте увеличилось сразу. До этой минуты мама ещё могла представить незнакомого молодого человека из соседнего города, общих знакомых, встречу за семейным столом. Теперь к неизвестной семье прибавились язык, другая страна и все привычные опасения, которыми она окружала самостоятельную жизнь дочери.

— У тебя впереди много людей, с которыми можно познакомиться здесь, — сказала она осторожно. — С кем легко поговорить обо всём, узнать друг друга. Ты работаешь, у тебя друзья.

Соын кивнула, хотя это знание ничего в ней не меняло.

— Я понимаю.

— Красивый человек может остаться красивым воспоминанием. Иногда этого хватает, чтобы поездка запомнилась.

Хе Джин посмотрела на мать, затем на сестру. Соын чувствовала, что обе пытаются уберечь её от слишком большого значения, которое она уже успела придать нескольким часам.

— Мне сейчас трудно объяснить, — сказала она. — Я всё время думаю о нём. Даже когда занимаюсь чем-то другим.

Мама вздохнула и подвинула к ней тарелку с грушей. Этот жест был знаком с детства: если слова пока оставляли всё сложным, можно было хотя бы дать человеку поесть.

— Посмотри, как будешь чувствовать себя через несколько дней.

Хе Джин взяла дольку и устроилась поудобнее.

— Сегодня у нас есть этажерка. С ней гораздо проще понять, что делать дальше.

Они вернулись к сборке. Соын держала стойку, сестра закручивала винты, мама читала цифры с инструкции и время от времени пыталась подать инструмент раньше, чем его просили. Работа требовала согласованности, и вскоре кухня наполнилась обычными замечаниями, просьбами и смехом.

Однако прежнее равновесие уже немного сместилось. Соын рассказала самое важное, а чувство осталось таким же новым. Его услышали, приняли к сведению и окружили заботой; объяснение всё ещё предстояло найти.

Когда этажерка встала у стены, оказалось, что одна полка наклонена. Хе Джин присела, проверила крепление и попросила Соын подержать верхний край. Мама принесла стакан воды, чтобы убедиться, что поверхность ровная. Их маленькая проверка заняла ещё десять минут.

Соын смотрела на стакан и вспоминала, как ставила перед пассажиром воду. Теперь даже простые вещи получили второе значение, которое оставалось известно только ей.

После ужина мать ушла разбирать продукты, а сёстры мыли посуду. Хе Джин вытирала чашки медленно, давая младшей возможность первой продолжить разговор.

— Ты правда думаешь, что это пройдёт через несколько дней? — спросила Соын.

— Я думаю, несколько дней всё равно придётся прожить. Потом станет понятнее, с чем именно ты просыпаешься.

Ответ оказался достаточно простым, чтобы Соын с ним согласилась. Сестра вовсе не торопилась объявлять случившееся любовью или увлечением; она оставляла ему время, которое можно было провести за обычными делами.

— Маме страшно, — добавила Хе Джин. — Она представляет твою жизнь по вещам, которые сама знает. Корейская семья, общий язык, человек, которого можно пригласить сюда и спросить, чего он хочет на ужин. У тебя за один рейс появилась история, где почти всё пока приходится угадывать.

Соын осторожно поставила мокрую тарелку на сушилку.

— Мне тоже.

Сестра посмотрела на неё внимательнее.

— Тогда постарайся сегодня выспаться. Думать о человеке легче, когда голова отдохнула.

У двери мама дала ей контейнер с едой и напомнила про следующий выходной. Соын прижала контейнер к груди, поцеловала мать в щёку и почувствовала, что разговор оставил между ними лёгкую неловкость. Обе знали о ней, обе старались сохранить привычное тепло. Иногда семья умела заботиться о том, чего пока не понимала, и этого на первый вечер оказалось достаточно.

Дома Соын открыла сообщения Чжун Хо. Он предлагал небольшой ресторан и спрашивал, подходит ли ей четверг. Раньше она стала бы рассматривать меню, отправила бы сестре фотографию блюда, которое захотелось попробовать. Теперь на снимки смотрела словно издалека.

Его лицо появилось в круглой фотографии рядом с сообщением: аккуратная причёска, улыбка, знакомый взгляд. Всё оставалось симпатичным и добрым, однако прежнее любопытство исчезло. Соын попыталась представить, как будет сидеть напротив него за ужином, слушать, смеяться, выбирать следующий повод для встречи. Вместо предвкушения возникла тяжесть обещания, которое она дала слишком легко.

На следующий день она написала, что хочет поговорить, и они созвонились вечером. Чжун Хо был после смены, по голосу слышалось, что он идёт по улице. Где-то рядом хлопнула дверь, затем стало тише.

Соын заранее придумала несколько осторожных фраз. Про плотный график, усталость, необходимость помочь маме. Каждая подходила для переноса ужина и оставляла человеку повод предложить другую дату.

Поэтому она сказала о том, что понимала точно:

— Мне очень приятно с тобой общаться. Сейчас я поняла, что хочу сохранить это дружеским.

Чжун Хо некоторое время молчал.

— Ты успела решить во время поездки?

Соын посмотрела на собственные пальцы, лежавшие на краю стола.

— Я поняла после возвращения. Сама удивилась тому, как изменилось настроение. Хотела сказать сразу, чтобы ты мог распорядиться вечером по-своему.

Он выдохнул, затем коротко засмеялся, без обычной лёгкости.

— Ресторан я выбрал удачно. Даже жаль отменять.

— Можешь пойти с друзьями.

Слова прозвучали излишне заботливо, и Соын тут же пожалела о них. Чжун Хо умел распоряжаться собственным вечером; ему сейчас требовалась возможность просто огорчиться.

— Разберусь, — сказал он. — Спасибо, что объяснила.

Она поблагодарила его в ответ. Разговор завершился спокойно, а Соын ещё некоторое время сидела с телефоном в руке, ощущая одновременно облегчение и стыд. Ей хотелось понравиться всем участникам собственной жизни, даже принимая решение, которое кого-то расстраивало. Впервые это желание оказалось таким заметным.

О пассажире она ничего ему не рассказала. Чувство оставалось слишком личным, а Чжун Хо имел право услышать решение, касавшееся их двоих, без сравнения с человеком, о существовании которого ему прежде даже не было известно.

Вечером Соын включила музыкальный клип. Песня оставалась любимой, движения исполнителей — безупречными, экран наполнился привычным блеском. Она поймала себя на странной перемене: лица, которые раньше заставляли её задерживать видео ради удачного кадра, теперь воспринимались прежде всего как часть выступления. Ей нравились музыка, точность, усилие, вложенное в танец. То другое, личное притяжение, ради которого она сохраняла фотографии, словно переместилось в совершенно иной мир.

Соын вспомнила руки мужчины, его спокойную тяжесть в проходе, взгляд поверх поданной чашки. Сравнение возникло само собой и показалось ей несправедливым. Люди в клипе занимались своим делом, Чжун Хо был хорошим человеком, а она пыталась разобраться в том, что происходило внутри неё. Оценивать всех по одной случайной встрече было бессмысленно, хотя тело уже запомнило собственный ответ раньше рассудка.

Она выключила экран и принялась стирать форму.

В следующие недели жизнь продолжалась по расписанию. Соын летала, встречалась с коллегами, покупала продукты, помогала сестре перевезти отрезы ткани. На работе её по-прежнему считали весёлой. Она охотно смеялась, хорошо выполняла свои обязанности и однажды отдала молодому коллеге свободный вечер, поменявшись удобным участком графика.

О своей истории она по-прежнему никому из экипажа не рассказывала, сохраняя её для разговоров с мамой и сестрой.

Иногда ей казалось, что чувство стало слабее. Она могла провести несколько часов, целиком занимаясь делом, и только дома, снимая шарф, внезапно вспомнить взгляд у окна. Тогда всё возвращалось сразу, с такой яркостью, будто самолёт продолжал лететь где-то рядом с её обычной жизнью.

Мама спрашивала о работе осторожнее. Хе Джин порой присылала смешную фотографию без подписи, оставляя сестре возможность ответить чем угодно. Соын ценила эту возможность больше прямых расспросов.

В январе она снова приехала в Инчхон. На этажерке уже стояли контейнеры, полотенца и небольшое растение, которое мама принесла из школьной столовой. Верхнюю полку занимала пустая корзина для будущих покупок. Стакан, которым проверяли ровность, вернулся в шкаф.

Соын заметила, что мать помнит их разговор, когда та предложила ей остаться на ночь. Обычно приглашение сопровождалось рассуждениями о поздней дороге; теперь мама просто постелила чистое бельё и поставила рядом с кроватью чашку воды.

Лежа в комнате, где прошла большая часть её детства, Соын слушала, как мать ходит по кухне. За окном проезжали машины, из соседней квартиры доносился звук телевизора. Мир был знаком до последней мелочи, а собственное чувство оставалось таким же удивительным, как в первый вечер.

Она повторила про себя фамилию пассажира. Звучание сохранилось точно, вместе с голосом, которым он поблагодарил её за возвращённое пальто.

Пока она знала о нём совсем мало. О себе за эти недели успела узнать больше, чем ожидала от обычной поездки в новый город, хотя разложить это знание по ясным словам ещё только предстояло.

Часть II
Письмо без адреса

2020–2021

Глава 7
Квартира посреди дня

В тот четверг Соын проснулась от шума воды в соседней квартире и некоторое время лежала с закрытыми глазами, стараясь определить, какой сегодня город. Сквозь шторы пробивался бледный свет, кто-то за стеной уронил крышку от кастрюли, и память уже приготовила привычное объяснение: гостиничная кухня, ранний завтрак, через сорок минут спускаться к автобусу. Потом она нащупала возле подушки телефон и увидела пустую строку под числом. Вчера такую же строку занимал рейс.

Она положила телефон экраном вниз. Вещи, собранные с вечера, стояли у двери: маленький чемодан, сумка с документами, туфли, которые следовало ещё раз протереть мягкой тряпкой. За четыре года Соын научилась собираться даже в полусне; распаковать всё посреди рабочего утра оказалось труднее. Белая блузка уже заняла своё место на плечиках, а пакет с запасными колготками она зачем-то перенесла на кухонный стол.

Квартира была рассчитана на человека, который время от времени появляется, спит, стирает одежду и снова уезжает. У окна помещался узкий стол, служивший одновременно для еды, косметики и разборки дорожной сумки. Крупную покупку Соын обычно откладывала до следующего месяца: каждый месяц оказывался слишком коротким, чтобы выяснять, нужен ли ей второй стул. Теперь выяснилось, что у стола слегка качается ножка и солнечный прямоугольник к полудню ложится прямо на подушку.

Она заварила чай в чашке с отколотым краем. Эту чашку давно собиралась заменить; с ней постоянно было связано какое-нибудь скорое возвращение в торговый центр. Чай получился крепким, завтрак — странным: остаток риса, половина яблока и печенье из гостиницы, завёрнутое в блестящую бумагу. На бумаге стояло название города, куда она теперь в ближайшее время едва ли собиралась попасть.

В общем чате экипажа уже шёл разговор. Кто-то уточнял новый порядок обучения, кто-то прислал фотографию кота на раскрытом чемодане. Мин Джу написала, что её муж наконец убедился в существовании её домашних брюк и рассматривает это как серьёзное семейное открытие. Соын отправила смеющееся лицо, набрала вопрос о следующем месяце и стёрла его. Всё, что коллеги знали, появлялось там же, в расписании.

К одиннадцати она вымыла холодильник. К полудню рассортировала бумаги. К часу обнаружила, что успела дважды проверить почту, трижды — рабочее приложение и несколько раз пройти от окна к двери с вещью, которую собиралась куда-нибудь убрать. Комната постепенно становилась опрятнее, однако день оставался таким длинным, словно после обеда к нему по ошибке присоединили ещё одно утро.

Хе Джин позвонила, когда Соын разглядывала инструкцию к стиральной машине.

— У тебя свободны руки? Мне требуется человек с хорошими глазами и терпением минут на двадцать.

— Глаза на месте. Терпение сейчас проверю.

Сестра переключилась на видеосвязь и показала узкий коридор, в конце которого висело пальто. Пальто принадлежало заказчице, попросившей укоротить рукава, а рукава на экране почему-то выглядели разной длины.

— Встань дальше, — посоветовала Соын. — Ещё немного. Сейчас твой телефон смотрит на него как начальник на опоздавшего сотрудника.

Хе Джин отступила, задела ногой коробку и поставила телефон на стопку журналов. Пальто выровнялось.

— Вот теперь одинаковые. Просто одно плечо было выше.

— Если клиентка встанет так же, придётся объяснять ей про плечо.

— Предложи смотреть на себя исключительно с журнальной стопки.

Они рассмеялись, и Соын заметила, что всё утро разговаривала только с автоматическими сообщениями. Сестра тем временем переставила телефон, села возле швейной машины и начала распарывать подкладку. На столе лежали две пары брюк, несколько катушек и пакет с хлебом. Одна половина обеденного стола давно уступила работе, теперь рабочая половина понемногу захватывала вторую.

Заказов у Хе Джин стало меньше. Хозяйка мастерской сократила рабочие часы, и часть недели сестра теперь проводила дома, принимая небольшие заказы от знакомых. Люди переносили праздники, отменяли встречи, предпочитали донашивать вещи, у которых подол всегда был чуть длиннее желаемого. Зато пришли две женщины с одеждой, доставшейся от родственниц, и одна из них попросила перешить жакет так, чтобы в нём можно было ходить каждый день. Хе Джин рассказала об этом с таким вниманием, словно речь шла о сложном путешествии: куда перенести вытачку, как сохранить хорошую ткань, что делать с карманами.

Соын слушала, водя пальцем по краю чашки. Сестра придавала огромное значение сантиметрам, которые заказчица, возможно, замечала только телом. Плечо тянуло — и целый день человек поправлял воротник; плечо садилось на место — и можно было думать о чём-нибудь другом.

— Тебе самой хочется свою мастерскую? — спросила Соын.

Хе Джин прикусила кончик нитки, затем отложила ткань.

— Хочется закрывать вечером дверь и оставлять работу за ней. Сейчас я ужинаю возле чужих брюк. От этого любые планы выглядят несколько приземлённо.

— Значит, дело в двери?

— Ещё в арендной плате, хорошем свете и людях, которым понадобятся рукава нужной длины. Дверь я назвала для краткости.

Соын представила собственный чемодан у входа. Ей всегда нравилось, что работа начинается за пределами квартиры. Форма помогала переходить из одного состояния в другое: застегнёшь пуговицы, поправишь волосы — и даже самое вялое утро приобретает последовательность. Теперь она оставалась дома, а привычная последовательность ожидала её у двери в застёгнутом чехле.

После разговора Соын вынула из чемодана косметичку и поставила на полку в ванной. Запасные колготки отправились в ящик. Туфли она почистила, хотя надевать их в тот день собиралась только для того, чтобы решить, куда лучше убрать.

Вечером позвонила мама. За спиной у неё шумел телевизор, на столе лежал пучок зелени, который она перебирала во время разговора. Школьные будни тоже изменились; мама говорила об этом через конкретные заботы — сколько продуктов успели заказать, кому передали часть запасов, как коллега забыла дома очки и весь день просила прочитать мелкие цифры.

— Ты сегодня ела горячее? — спросила она.

Соын посмотрела на кастрюлю, в которой ещё лежал утренний рис.

— Сейчас приготовлю.

— Твоё «сейчас» обычно длится до следующего посадочного талона. У тебя ведь есть яйца?

Разговор превратился в приготовление ужина. Мама объясняла, когда убавлять огонь, Соын показывала сковороду, и обе спорили о том, достаточно ли зелёного лука. В конце мама попросила поставить тарелку ближе к окну: на экране еда выглядела сероватой, и её это огорчало больше, чем любая ошибка в рецепте.

Соын съела всё, прислушиваясь к телевизионным голосам из материнской кухни. Звуки задерживались в телефоне на долю секунды; из-за этой задержки казалось, будто мама живёт

чуть впереди, уже знает следующую фразу диктора и следующую маленькую неприятность, о которой он собирается сообщить.

На следующий день Хе Джин попросила помочь с фотографиями для своей рабочей страницы. Сестра умела переделать платье так, чтобы хозяйка радовалась ему ещё несколько лет, однако снимала результат обычно на спинке стула, рядом с пакетом обрезков. Соын получила шесть таких фотографий и долго разглядывала угол, в котором непременно появлялась одна и та же сушилка.

— У твоей сушилки уже есть собственные поклонники, — сказала она по телефону. — Предлагаю выделить ей отдельную страницу, а одежду снимать возле стены.

— Возле стены у меня стоит шкаф.

— Тогда потребуется простыня и час твоего времени.

Они провозились почти весь день. Хе Джин закрепляла простыню, Соын объясняла, куда направить лампу, затем выяснилось, что свет делает тёмную ткань коричневой. Пришлось дождаться, пока солнце переместится к другому окну, и снять всё заново. Сестра ворчала, поднимая вешалку, а Соын сидела перед ноутбуком с профессиональной серьёзностью, которой ей так недоставало утром.

Самым трудным оказался жакет. Его рукав на фотографии сворачивался внутрь, пряча работу Хе Джин. Соын предложила надеть жакет и поставить телефон на таймер. Сестра посмотрела на неё через экран с таким выражением, будто съёмка внезапно превратилась в экзамен по танцам.

— Мне придётся ещё и улыбаться?

— Можно думать о том, сколько мы уже сделали. У тебя от этого обычно появляется очень убедительное лицо.

Когда фотография наконец получилась, Соын увеличила её и увидела возле воротника маленькое красное пятнышко: сестра уколола палец, пока прикалывала ткань для съёмки. Хе Джин тут же потянулась удалять снимок, но Соын попросила прислать оригинал. Отретушировать пятнышко оказалось просто. Гораздо дольше пришлось объяснять сестре, почему её спокойное, чуть усталое лицо подходит к этой вещи лучше, чем безличная вешалка.

Под вечер Хе Джин отправила готовую страницу знакомой заказчице. Через несколько минут пришёл вопрос о цене переделки старого пальто. Сестра прочла сообщение вслух, затем рассмеялась с облегчением, которое Соын отчётливо услышала даже через телефон.

— Теперь у меня есть художественный руководитель, — объявила Хе Джин. — Оплата — ужин после того, как получится спокойно собраться.

Соын согласилась и закрыла ноутбук. На столе лежали карандаш, листок с замечаниями к фотографиям и пустая чашка. День впервые за последнее время имел видимый результат, который принадлежал другому человеку и всё же немного поддерживал её саму. Она отправила сестре ещё одно сообщение с просьбой обработать палец, после чего пошла разогревать ужин.

Через несколько дней Соын переставила стол. До этого он стоял короткой стороной к окну, оставляя удобный проход к кровати. Теперь свет падал слева, а в стекле отражалось её лицо, когда на улице темнело. Ножку она подложила сложенным рекламным листком, сохранившимся в кухонном ящике. В комнате появился рабочий угол, хотя работа пока состояла главным образом в заполнении документов, онлайн-занятиях и чтении сообщений, которые меняли ближайшие планы.

Первые недели весны складывались из таких мелких переделок. Соын узнала час, когда во двор привозят продукты, привыкла к соседке сверху, поливающей цветы с такой щедростью, что вода стекала по внешнему подоконнику. Увидела, как служащий небольшого магазина через дорогу каждое утро протирает дверную ручку, потом отходит и смотрит, ровно ли приклеена бумага с изменившимися часами работы. Прежде этот магазин существовал для неё

как место, где можно купить воду после позднего возвращения. Теперь в нём постоянно кто-то жил своим рабочим днём.

Она выходила за продуктами по короткому списку. Список помогал удержать в голове простую цель, когда привычные улицы казались другими. На обратном пути иногда задерживалась возле цветочной лавки. Там продавали маленькие растения в пластиковых горшках, каждому полагалась белая карточка с названием. Соын выбрала одно с плотными округлыми листьями и спросила, выдержит ли оно поездки.

Продавщица посмотрела на пустую улицу, затем на её маленькую сумку.

— Сейчас вы, кажется, успеете познакомиться.

Дома Соын поставила горшок на подоконник, сфотографировала его и отправила Хе Джин. Сестра ответила: «Только запиши, когда поливала. Твоя любовь бывает очень деятельной».

Слово заставило Соын улыбнуться, а затем посидеть немного с телефоном в руке. Она всё ещё вспоминала русского пассажира. Временами его лицо появлялось неожиданно, среди совсем других занятий: стоило увидеть крупную ладонь на чужой чашке или услышать низкий мужской голос в магазине. Чаще воспоминание приходило вечером, когда все полезные дела заканчивались и можно было перестать объяснять себе, почему именно сейчас она опять думает о том перелёте.

За прошедшие месяцы некоторые подробности потускнели. Соын уже сомневалась в цвете его рубашки под пиджаком, зато отчётливо помнила, как он поднял глаза, когда она вернулась за пустой чашкой. В этом взгляде сохранялась удивившая её сосредоточенность. Человек на несколько секунд целиком обращался к ней, и Соын, привыкшая отвечать десяткам пассажиров, внезапно теряла навык простого ответа.

Она пыталась вспомнить, о чём думала в Москве до обратного рейса. Там были холодный воздух, книжный магазин, мокрые ресницы, огни, которым удалось сделать зимний вечер почти праздничным без всякой причины. Ей нравилось собственное одиночество в незнакомом городе. Воспоминание о нём принадлежало той же поездке и всё же занимало столько места, будто постепенно заслоняло весь остальной день.

В субботу Мин Джу позвонила узнать, удалось ли Соын разобраться с очередным рабочим документом. Они вместе открыли файлы, нашли нужную строку и ещё полчаса говорили о семье коллеги, о занятиях, о том, как трудно привыкнуть к незапланированным выходным. Мин Джу пожаловалась, что дома все просят её что-нибудь принести именно тогда, когда она наконец садится.

— Профессиональная репутация следует за человеком всюду, — сказала Соын.

— Тогда мне следовало освоить профессию человека, которому приносят.

После звонка Соын ещё некоторое время смотрела на экран. Рассказать Мин Джу о пассажире было бы легко: коллега знала, как устроены полёты, сколько людей проходит перед глазами, какую странную близость создаёт несколько часов в одном пространстве. Всё же Соын сохранила историю при себе. Ей хотелось сначала самой понять, что в ней осталось после того утра в Инчхоне.

Однажды ночью она достала из ящика московскую открытку. Серая тетрадь лежала рядом, завернутая в бумажный пакет; первые страницы сохранили дату поездки и короткие записи о городе. Открытка показывала город с более аккуратным снегом, чем тот, который падал ей на волосы. Соын провела пальцем по изображению улицы и вспомнила фамилию пассажира — длинную, с непривычным сочетанием звуков, которое тогда несколько раз повторила про себя, прежде чем обратиться к нему.

Фамилия всё это время оставалась в памяти без всякой пользы, как номер давно пройденного выхода на посадку. Теперь Соын попробовала записать её латинскими буквами на отдельном листке. Одна буква вызвала сомнение; она закрыла глаза и представила служебную

карточку, которую видела во время обычной работы на борту. За пределами этого воспоминания у неё ничего о нём не было.

Она села за стол, придвинула ноутбук и несколько секунд смотрела на пустую поисковую строку. За окном магазин напротив погасил вывеску. В комнате остались лампа, маленький горшок на подоконнике и шум холодильника, который прежде тонул в прочих звуках её жизни.

Соын ввела знакомую фамилию, проверила написание и нажала клавишу поиска.

Глава 8
Человек по ту сторону экрана

Сначала поисковая страница предложила Соын несколько совершенно чужих лиц. Один мужчина сидел за длинным столом перед микрофоном, другой улыбался возле автомобиля, третий оказался пожилым профессором с густыми бровями. Фамилия принадлежала множеству людей, и эта простая мысль почему-то пришла ей в голову лишь теперь, когда она уже ждала единственного ответа.

Соын добавила слово «Россия» по-английски и перешла к изображениям. На третьей строке появился знакомый поворот головы. Фотография была маленькой, обрезанной по плечи; лицо выглядело строже, чем в самолёте, и Соын приблизила его, чувствуя, как меняется дыхание. Теперь перед ней был мужчина с того рейса, со всеми чертами, которые память то подчёркивала, то сглаживала. У него действительно была такая линия подбородка, такой внимательный взгляд и привычка чуть поворачивать голову к собеседнику.

Она открыла страницу. Под фотографией стояли русские слова, ряд значков и номер телефона. Автоматический перевод некоторое время думал, затем сообщил, что этот человек занимается адвокатской практикой. Дальше шли сведения, смысл которых складывался из отдельных знакомых понятий: образование, выступления, профессиональные вопросы. На странице была кнопка связи, и Соын сразу перевела взгляд в другую сторону, словно случайно заглянула в дверь кабинета, куда её никто пока не приглашал.

Профессия хорошо сочеталась с его лицом. Соын вспомнила, как он слушал её короткое объяснение о напитках, с той же сосредоточенностью, какую теперь приписывала разговору с человеком, которому требуется помощь. Эта догадка была приятной, и она остановила себя прежде, чем успела наделить его ещё дюжиной достоинств. Пока ей были известны фотография, фамилия и несколько строчек, неловко переведённых машиной.

Ссылка на интервью находилась внизу. Соын нажала на неё, проверила громкость и замерла, когда прозвучал его голос.

В самолёте он говорил по-английски — спокойно, с заметным акцентом, короткими фразами. Теперь речь лилась свободнее. Он делал паузы, иногда улыбался вопросу, иногда наклонялся вперёд, и голос становился ближе к микрофону. Соын слышала только звучание, почти лишённое смысла, однако именно эта незнакомая речь вернула ей переживание полёта сильнее, чем фотография. Она снова ощущала, как трудно отвести глаза, когда человек смотрит прямо перед собой.

Интервью шло больше сорока минут. За первые пять Соын успела изучить край его пиджака, движение ладони, лицо ведущего, который кивал чуть раньше окончания ответа. Потом заметила значок субтитров. Русские строки сменились переводом, и речь постепенно получила содержание.

Он рассказывал о работе. Ведущий задавал вопросы о спорных ситуациях, о том, как человек ведёт себя, когда боится последствий собственного решения. Писатель — тогда Соын ещё думала о нём только как об адвокате — подбирал примеры без фамилий и подробностей чужой жизни. Один ответ оказался длинным, перевод вышел путаным, и она вернулась к началу, чтобы прочитать его ещё раз.

Соын привлекло даже то, как он ждал следующего вопроса. Обычно она замечала в интервью человека, который говорит; теперь следила за человеком, который слушает. В какой-то момент ведущий пошутил, и на лице гостя возникла знакомая улыбка, чуть задержавшаяся у глаз. Соын машинально поднесла руку к щеке, будто маска по-прежнему могла скрыть её собственную улыбку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.